

Третий четверг ноября

Автор:

Татьяна Устинова

Третий четверг ноября

Татьяна Витальевна Устинова

«Потом в голове зашумело, как-то приятно, успокоительно, как будто теплый ветер подул с того самого французского виноградника, где разливали в бутылки молодое вино, и свечи загорелись особенно ярко, и сквозь теплый ветер в голове Платон подумал, что у него на самом деле никогда не было такого праздника, что это только Лёка и могла придумать!.. И еще он подумал, что дело вовсе не в божоле и не в том, что нынче третий четверг ноября, а в том, что им радостно и интересно вместе, как никогда не было поодиночке, и так теперь будет всегда!..»

Татьяна Устинова

Третий четверг ноября

«Но в том еще беда, и видно, неспроста,

Что не годятся мне другие поезда.

Мне нужен только тот, что мною был обжит.

Там мой настольный свет от скорости дрожит.

Там любят лечь – так лечь, а рубят – так сплеча.

Там речь гудит, как печь, красна и горяча.

Мне нужен только он, азарт его и пыл.

Я знаю тот вагон. Я номер не забыл».

Ю. Левитанский. «Сон об уходящем поезде».

Конечно, она его не узнала, столько лет прошло!..

А сколько лет прошло?

Два года, что ли?.. Или уже больше? Нет, конечно, больше, больше, три с лишним! Расставались в апреле, а нынче уже ноябрь, значит, выходит три с половиной!

...И когда они пролетели, эти три с половиной года?! Как успели?

Конечно, она его узнала.

Если бы прошло триста лет – ну, даже с половиной, – она бы все равно его узнала.

Нет ничего глупее вопросов, чем те, которые люди задают друг другу триста лет спустя.

– Ой, я тебя и не узнала! Ты как?

– Нормально, а ты как?

– И я нормально.

– А зачем ты к нам?..

– По делам. А ты все здесь?..

- А где же мне еще быть?..

- Да мало ли где...

- Нет, я здесь. Меня повысили, так что...

Про повышение было сказано не без умысла.

Умысел пропал втуне. Он не обратил внимания. Он никогда не обращал внимания на такие вещи.

Она с головой нырнула в сумку - за пропуском. А на самом деле, чтобы не тарачиться на него во все глаза.

Он придержал перед ней дверь - чтобы она не стукнулась в нее лбом. А на самом деле, чтобы не рассматривать ее так уж откровенно!..

В вестибюле стало еще хуже, чем на тротуаре.

Во-первых, потому что голоса разносились по всему огромному и тихому помещению, отдавались от мраморной плитки. Во-вторых, здесь никого не было, кроме охранников за конторкой и нескольких опоздавших, маявшихся возле стеклянной коробки скоростного лифта.

Лёка вынырнула из сумки. Пропуск зажат в руке, и вид растерянный.

Он вдруг рассердился из-за этого ее растерянного вида. В конце концов, столько лет прошло!.. И ничего же не происходит. Он не собирается немедленно тащить ее... в «свою пещеру», и вообще куда тащить ее не собирается!

Он рассердился и немедленно сказал глупость:

- Ну, пока! До свидания.

Она кивнула, он повернулся, и вдвоем они двинули к лифтам - «путь наверх» здесь был только один, общий для всех.

В полном молчании, плечом к плечу, они подошли к раздвижным дверям и стали.

- Здравсти, Елена Сергеевна.

- Добрый день, Слава.

- Можно я к вам зайду после совещания? У меня вопрос.

- Да, конечно.

Слава стрельнул глазами в ее спутника, будто оценил, сделал странный жест, нечто среднее между кивком и поклоном, и отвернулся.

Хорошо, что половина сотрудников новенькие, подумала Лёка. Никто ничего помнить не может.

Хотя и помнить-то нечего!..

- Здравствуйте, Елена Сергеевна! - у нее за плечом негромко сказал тот, перед которым ей было так неловко, и она с изумлением обернулась и посмотрела.

- Мы же здоровались!

- Да мы уж и прощались.

Да. Это точно. Они уже попрощались.

Столько лет прошло, она даже не узнала его там, на улице! Впрочем, она сразу его узнала.

Лифты пришли, как водится, все одновременно, и в просторном хромированном пространстве, увеличенном зеркалами и полировкой, она и он, конечно же, оказались вдвоем.

- Тебе какой?

– Шестой.

Он нажал две кнопки. Она не стала смотреть, какая вторая.

– Как ты живешь, Лёка?

Она улыбнулась храброй независимой улыбкой.

– Я хорошо. А ты как живешь, Платон?..

Его звали Платон Легран, надо же такому быть!..

Была какая-то невразумительная история про петербургского дедушку-ресторатора, а может, и не дедушку вовсе, а прадедушку или прапрадедушку, оставившего в наследство такую фамилию. Платон никогда подробно не рассказывал, а то, что рассказывал, Лёка слушала вполуха, из вежливости.

Слишком много в последнее время развелось потомков дедушек-рестораторов, дедушек-великих-князей, бабушек-балерин Мариинского театра, тетушек-фрейлин и дядюшек-камергеров.

Все вранье!..

Камергеры, князья и балерины – которых не успели расстрелять – отбыли в Париж, а остальные сгнили на каторге и «вольных поселениях».

Потомок ресторатора посмотрел на нее, усмехнулся загадочно и пожал плечами – видимо, таким образом отвечал на ее вопрос о том, как он живет.

Лифт тренькнул, кабина дрогнула и остановилась.

Вот и поговорили.

– Ну... пока. Да?

– Кофе пить со мной не пойдешь?

Лёка засмеялась.

Если бы прошло триста лет – ну, даже с половиной, – она все равно узнала бы его по этому вопросу. Ни такта, ни деликатности, ни понимания, ничего!

– Не пойду, – сказала она и опять засмеялась, – а тебе что, делать нечего, среди бела дня кофе распивать с... – она поискала слово, не сразу сообразив, как себя поименовать.

С бывшей любовницей? Со старой знакомой? С давней подругой?

– С тобой, – подсказал Платон Легран. Двери лифта бесшумно закрылись, и кабина опять поехала, – я среди бела дня хочу распивать кофе с тобой. А что тут такого?

– Ничего, – проскрежетала Лёка. Он увез ее на другой этаж!.. – Нет, Платон, у меня дел полно, я и так опоздала!..

Лифт остановился.

– Ну, – спросил ее спутник весело, – теперь на первый двинем?

Лёка посмотрела на него почти с ненавистью.

Господи, она и забыла, какой он... противный. Самоуверенный, упрямый, привычно слушающий – и слышащий! – только себя.

– Точно не пойдешь?

Лифт опять дрогнул, и двери опять сошлись. Он наугад нажал какую-то кнопку, и они поехали.

– Слушай, – сказала Лёка, – я хочу выйти. Выпусти меня, пожалуйста.

– Высадка пассажиров осуществляется только на остановке. Вот сейчас будет остановка, и ты выйдешь.

И она вышла. Оказалось, он привез ее на шестой этаж, собственно, как раз туда, куда надо.

Она кивнула, очень раздраженная, – он знал эту ее манеру кивать, снизу вверх, когда она сердилась или была недовольна, – и, изо всех сил стараясь не коснуться его ничем, ни пальто, ни сумкой, держась очень прямо, вышла из лифта и пошла по сверкающей плитке. Звук ее каблучков отдавался от мраморных стен.

...Почему стены мраморные?.. Как в гробнице или турецкой бане! Ну, на черта здесь мраморные стены?!

Платон знал ответ на этот вопрос – потому что в последнее десятилетие нефть была очень дорогая, вот и вся премудрость! Потому и стены мраморные, и полы мозаичные, и фонтаны на каждом этаже, и «Лёксус» у любого мелкого деляги. И ПТУ поэтому же называется «колледж», библиотечный институт «университетом управления культурой», а любая барышня, пишущая в эсэмэске «встретимся в понедельник», именуется «психолог-консультант».

Еще есть барышни-дизайнеры, барышни-телевизионные ведущие – никогда невозможно узнать, что именно они ведут и, собственно, куда, – есть барышни-продюсеры, барышни-журналистки, барышни-брендменеджеры.

Только барышень-крестьянок не осталось ни одной, все повывелись!..

Не ко времени она попала ему на глаза, его бывшая барышня-начальник!..

Ему нужно было в офис адвоката Астахова, и, неожиданно для себя приехав опять на первый этаж, Платон некоторое время соображал, на каком же этаже этот самый астаховский офис. Сообразив, он опять погрузился в лифт и поехал.

Охранники проводили его изумленными взорами. Мало кто в этом шикарном здании на Поварской просто так развлекал себя катанием на лифте вверх-вниз!.. Платон помахал им рукой – из вредности.

Они не сталкивались... сколько? Года три наверное! А может, и больше. Впрочем, он всегда плохо помнил имена и даты, особенно такие, с которыми было связано

что-то болезненное или неправильное.

Все, связанное с Лёкой, было болезненным и неправильным!

Не все, услужливо подсказала ядовитая и подлая память. Не все, не все!..

А третий четверг ноября? Молодое божоле? Ночь, дорога? Ничего такого ты не помнишь, конечно, но я-то точно знаю, как было, и ты можешь притворяться сколько угодно, лихачить, потряхивать гривой, приглашать ее на кофеек – гадость какая! – но я, твоя память, сейчас все тебе покажу! Хочешь?..

Он не хотел. Ей-богу, он не хотел, но было уже поздно.

Даже в этом слове – «божоле» – было что-то Лёкино, веселое, присущее только ей. По крайней мере, так ему когда-то казалось. Он не любил вино, и ничего в нем не понимал, и даже слегка гордился этим непониманием. В последнее время все до одного менеджеры средней руки, вчерашние выпускники все того же ПТУ, вдруг напропалую стали разбираться в винах, бриллиантах, марках одежды, в серфингах, дайвингах, флайфишингах, тест-драйвах, хорсингах, урожаях две тысячи пятого года, лакированных ботинках и «парфюмах с феромонами». Платон Легран пополнять собой легион разбирающихся и посвященных не желал решительно, а потому не разбирался и не посвящался.

Лёка его посвятила.

Нет, конечно, он слышал о том, что в третий четверг ноября следует пробовать «молодое божоле», то есть красное вино нового урожая, и это вроде бы даже праздник там, где выращивают виноград и делают из него вино, то есть во Франции. К нему, Платону Леграну, этот праздник никакого отношения иметь не мог.

Он не выращивает виноград и не делает из него вино!..

– Ты что?! – сказала ему Лёка, когда он изложил ей все, что думает по поводу «божоле», «феромонов» и лакированных ботинок. – Это же так здорово!

– Я не люблю красное вино. Ты же знаешь, я пью виски, и точка.

– Точка, точка, запятая, – пропела Лёка, подняла ему на лоб очки и быстро поцеловала в губы. Она любила сделать что-нибудь неожиданное. – И твоя кривая рожа тут совершенно неуместна! И красное вино ни при чем!

– Как ни при чем, когда «божолё» – это и есть вино?!

– Третий четверг ноября, – торжественно объявила Лёка, – это предчувствие праздника, понимаешь? Это красные рождественские цветы, которые ставят на стол, чтобы праздник уже поскорее приходил! Это свечи, белая скатерть, горячее мясо и молодое вино в пузатом стакане! Это значит, что год на исходе и что времени осталось всего ничего, только доделать дела, подвести итоги, в последний раз собраться с мыслями перед Новым годом! Ты же не знаешь, что там, впереди! – И она длинно присвистнула. – За далью даль!..

– Ты что, – спросил Платон, прищурившись, – романтическая особа?..

– Сам ты романтическая особа, – сказала Лёка. – Мы немедленно едем в ресторан, ты оставляешь там машину, и мы надираемся красным вином. Согласен?

– Н-нет. У меня завтра с утра дела, и я не готов...

– Ты скучная, занудная, старая кляча, – объявила Лёка. Она знала, что он поедет и будет проделывать все, что ей хочется, так было всегда, и ей казалось глупым в этом сомневаться. – Ты даже не знаешь, от чего отказываешься!..

Он и вправду не знал.

По дороге она передумала и велела ему ехать в магазин, а не в ресторан, и он был ей за это благодарен.

Кажется, он даже думал тогда о том, как именно он благодарен, ядовитая колючка-память, впившаяся в сознание, проткнула насквозь твердую и надежную защитную оболочку, и те бывшие, позабытые, утратившиеся эмоции теперь вырывались наружу с тонким протяжным тоскливым свистом. Среди этих эмоций совершенно точно была благодарность.

Он не потащила его в ресторан, потому что знала: он ни за что не бросит в центре Москвы свою обожаемую машину, и не станет пить «молодое божоле», и в ресторане у них не получится «предчувствия праздника»!..

Они поехали в магазин и купили там несколько темных бутылок, украшенных странными, непривычно яркими затейливыми этикетками – как на пластмассовых йогуртовых бутылочках. Должно быть, молодому божоле полагаются именно такие нелепые этикетки, кто его знает. Еще они купили мяса, сыра и, кажется, ореховый торт, так и оставшийся невостребованным.

Как-то моментально, в два счета, Лёка соорудила ужин, и свечи были, и пузатые бокалы, и они тянули это самое божоле, как воду, и Платон все пытался его нюхать, объявив ей, что точно знает – в вине должны быть букет, аромат, послевкусие и еще «нотки», как же без них!.. Должны быть «нотки» красной смородины, горького ириса, сладкой черешни и немного жгучего перца!

Ничего не вынюхивалось – ни перец, ни черешня, ничего!.. Должно быть, он и вправду не понимал в вине.

Потом в голове зашумело, как-то приятно, успокоительно, как будто теплый ветер подул с того самого французского виноградника, где разливали в бутылки молодое вино, и свечи загорелись особенно ярко, и сквозь теплый ветер в голове Платон подумал, что у него на самом деле никогда не было такого праздника, что это только Лёка и могла придумать!.. И еще он подумал, что дело вовсе не в божоле и не в том, что нынче третий четверг ноября, а в том, что им радостно и интересно вместе, как никогда не было поодиночке, и так теперь будет всегда!..

И так на самом деле было целую вечность – до самого апреля.

– Продолжать, – поинтересовалась ядовитая старуха-память. – Или хватит пока?..

Третий четверг ноября!..

А еще на кофе пригласил, и спрашивал, сделав специальный мужественный голос, пойдет ли она!..

Должно быть, память не только отравила сознание, но и что-то сделала с его лицом, потому что астаховская секретарша Маша, едва он вошел в офис, убралась от него за перегородку и оттуда тоненьким голоском спросила, чего Платон Алексеевич желает, чаю или кофе.

– Молодого божоле, – пробормотал Платон Алексеевич. – Ведро и половник. Взболтать, но не перемешивать.

– Простите, пожалуйста? Еще раз, пожалуйста?

Он никак не мог отделаться от мысли, что Лёка где-то рядом. Всего несколько стен, какое-то количество мраморной плитки, мозаичных полов, пара фонтанов – и он ее увидит. Для этого ничего особенного не нужно, просто дойти до ее рабочего места. Он даже представил себе, как она выглядывает из-за стеклянной стены и какое у нее становится лицо.

За несколько прошедших лет они так ни разу и не встретились.

Странно – мы все время были в городе одном!..

Платон несколько раз заезжал к Павлу Астахову, и каждый раз думал, увидит он Лёку или нет, и так ни разу и не увидел. А сегодня они столкнулись нос к носу.

Должно быть, от того, что ноябрь.

* * *

Лёка тоже думала про ноябрь и про то, что день начался неудачно, меньше всего на свете она хотела увидеть свою прошлую жизнь во всей красе! У «прошлой жизни» были очки, длинный нос, вечно скособоченный на сторону шарф, пристальный, даже какой-то прилипчивый взгляд, странная манера шутить, вечно грязная машина и нелепейший желтый портфель, всегда набитый бумагами.

Ужасный человек. Ужасный.

- Елена Сергеевна, генеральный просил зайти.

Лёка сделала над собой усилие, чтобы вернуться в реальность.

Ах, да. Рабочий день. Сегодня совещание, от которого коллектив не ждет ничего хорошего, потому что всем было объявлено, что увольнения начнутся еще до Нового года и продолжатся после. А как же иначе, в Штатах кризис ипотечного кредитования, поэтому у нас в офисе увольнения!.. Что непонятно?!

- Елена Сергеевна!

- Так, - сказала Лёка и провела рукой по лицу, словно стряхивая ненужное выражение, - значит, что? Совещание отменяется?

Помощница Даша - впрочем, у них в офисе в полном соответствии с велениями времени все помощники именовались «ассистентами» - округлила глаза, а заодно и губы, как будто собралась произнести букву «о».

- Ну, что-о-о вы, Елена Сергеевна! Совещание не отменяется. Партнеры уже приехали и ждут в зимнем саду. Но генеральный все равно просил вас зайти.

- Лучше бы ждали в Летнем саду.

- А?

- Даш, дайте мне кофе, только покрепче и прямо сейчас. Слава просил принять его после совещания, вы позвоните ему и скажите, что я пока не знаю, во сколько оно закончится. Если очень поздно, то лучше пусть зайдет завтра.

Даша помедлила, а потом сказала грустно:

- Он, наверное, боится, что его уволят. У него жену уже уволили, а они кредит взяли на квартиру...

Лёка кивнула. А что ей оставалось делать?.. Она понятия не имела, уволят Славу или нет. Она даже как следует не знала, чем этот самый Слава занимается.

- Елена Сергеевна, - Даша вдруг закрыла за собой дверь и придвинулась поближе к ее столу, Лёка посмотрела на нее. - Скажите, нас всех уволят, да? Всех?

Эти разговоры в последнее время стали постоянными. Про увольнения говорили в курилке, в буфете, на лестнице, где собирался «дамский клуб», просто так, поболтать. Больше болтать было решительно негде, ибо стеклянные стены были повсюду, кроме сортиров.

Кто-то из американцев времен Великой депрессии пошутил печально, что спад - это когда увольняют соседа, а кризис, когда тебя самого. Всех соседей медленно, но верно увольняли, и, как приговоренный ждет падения гильотины на собственную незащитную шею, так, затаившись, закрыв глаза и прижав уши, все ждали, когда очередь дойдет «до нас». Но надежда - самое живучее, что есть в человеке, все-таки шептала упрямо - может, пронесет, может, обойдется, мы-то ведь другое дело, не то что наши соседи!..

- Елена Сергеевна, ведь если уволят, то я прямо не знаю, как жить!..

- Надеюсь, что не уволят, Даша. Или уволят, но не всех.

- А... меня, Елена Сергеевна?

Лёка рассердилась.

Она всегда сердилась, когда не знала, что ответить.

- Даша, я даже не знаю, не уволят ли меня!.. Правда. Как только узнаю, сразу скажу, я вам обещаю. Пока я работаю, вам ничего не угрожает.

Даша шмыгнула носом, кажется, собиралась зареветь.

- Правда?

- Дайте кофе, а?

Платон Легран говорил ей, что она не умеет выстраивать отношения с подчиненными. Он говорил, что подчиненные непременно садятся ей на шею, и она не только делает за подчиненных всю работу, но еще разбирает их семейные проблемы, ссужает деньгами, рекомендует, в какую школу лучше всего определить детей, а заодно и решает за них контрольные работы, если тем приходит в голову фантазия пойти куда-нибудь учиться. При этом она сама же, как начальник, за эту учебу еще и платит, а потом дает прибавку к жалованью, ибо после учебы квалификация сотрудников необыкновенно повышается!..

Лёка очень на Платона злилась, кричала, что он считает ее полной дурой, и доказывала, что ничего такого она не делает, просто людям нужно помогать. Он никогда ее не слушал, безнадежно махал рукой, и диспут захлебывался.

Телефон зазвонил, и Лёка, даже не посмотрев, быстро сняла трубку, только чтобы не видеть Дашиной несчастной физиономии.

Звонил генеральный.

– Лен, ты чего не идешь?

– Куда?!

– Ко мне, – сказал генеральный, немного подумав, как будто не сразу сообразил, куда именно она должна идти. – А что такое? Я же твоей ассистентке сказал – срочно!

– Я иду, Андрей.

Лёка поднялась со стула, нашаривая в кармане пиджака мобильный телефон, который следовало бы выложить, иначе он непременно зазвонит в самый разгар совещания. Переключать его на режим вибрации Лёка не любила.

Во-первых, для этого следовало нажать десяток кнопок в строго определенном порядке, и к концу процедуры от нетерпения она всегда начинала рычать.

Во-вторых, Платона всегда очень развлекала эта самая «вибрация». Каких только шуток он про нее ни отпускал!..

Ужасный человек.

– Даша, почему вы мне не сказали, что генеральный вызывал срочно?!

Даша опять округлила глаза и губы, словно намереваясь произнести букву «о».

– А-а-а... я... не поняла, Елена Сергеевна... он как-то так сказал... вернее не он сказал, а его ассистентка...

Ну да, конечно. Ассистентка.

– Даша, иногда нужно слушать, что вам говорят. Особенно если говорит генеральный!..

– Я слушала...

Лёка наконец вытряхнула телефон, подхватила со стола записную книжку, бросилась к двери, вернулась и стала копаться в бумагах.

– Дайте мне хоть какую-нибудь ручку! Быстро!..

– Вот, Елена Сергеевна. Вот ручка!..

Лёка сунула ручку в карман, мимоходом подумав, что она непременно потечет и изгаздает пиджак. Ручки всегда так делают. Потом Лёка захлопнула крышку ноутбука и сунула его под мышку. Генеральный очень любил, когда подчиненные являлись к нему в кабинет с компьютером, чтобы приступить к выполнению его указаний, так сказать, непосредственно у него на глазах.

– Зачем вы пишете ручками на бумаге?! – восклицал генеральный. – В наш век компьютерных технологий это просто варварство какое-то и позавчерашний день! Вы что, потом будете сами себя перепечатывать?!

Он даже мысли не допускал, что не все его указания годятся в дело, что иногда – и даже довольно часто, по правде говоря! – перепечатывать ничего не приходится, а конспектировать его умные и всегда своевременные мысли на компьютере не слишком удобно, особенно тем, кто не заканчивал курсов машинописи. Поэтому Лёка брала на совещания и то, и другое – ручкой она варварски записывала в блокнот, а включенный компьютер самодовольно гудел рядышком, в соответствии с требованиями двадцать первого века.

Лёка уже была за дверью, когда зазвонил мобильный, и она не стала отвечать.

Генеральный был озабочен.

Сам про себя он сказал бы – чертовски озабочен.

Генеральный любил не только ноутбуки и шагать семимильными шагами в двадцать первый век, но еще и красиво выражаться.

– Закрой дверь, – приказал чертовски озабоченный генеральный.

Лёка закрыла, села на свое всегдашнее место слева от него, одним движением раскрыла компьютер, выложила блокнот и достала из кармана ручку, которая вроде бы пока не протекла.

– У нас проблемы, – сообщил генеральный и побарабанил пальцами по столу. – Боюсь, что очень серьезные.

Лёка вдруг по-настоящему забеспокоилась. Как пить дать, он собирается сказать, что в период банковского и страхового кризиса в Штатах, их контору на Поварской в Москве придется закрыть.

Хорошо Даше, она может умоляюще смотреть в глаза и спрашивать жалобно: «А меня тоже уволят, да?» – а что делать ей, Елене Сергеевне?.. Умолять бессмысленно. Просить бесполезно. Рассказывать о своей тяжелой доле глупо и это ни к чему не приведет.

У генерального доля еще тяжелее, у него столько народу на руках!..

Гильотина дрогнула в пазах, пошла сначала медленно, а потом стала стремительно падать.

Лёка выпрямилась, расправила плечи и начертила в ежедневнике длинную синюю линию.

Ну, как говорится, подведем черту!..

Генеральный обошел стол и сел рядом с ней, чего за ним отродясь не водилось.

– Слушай, Лен, у нас эта дура в Питере пропала, – сказал он ей в самое ухо, – и я не знаю, чего теперь делать. В милицию звонить глупо, да и не примут они заявление, я же не ее муж!.. И пропала она всего два дня назад, а в милиции, кажется, принимают только через три. А в Питере все ждут, понимаешь? Сегодня звонили уже три раза, а я даже не знаю, что отвечать!..

Лезвие гильотины замерло в двух сантиметрах от шеи казнимого.

– Подожди, Андрей Владимирович, – попросила Лёка и опустила плечи, которые до этого держала чрезвычайно прямо, – я ничего не понимаю. Какая дура в Питере пропала?..

– Василькова. Жена этого твоего!.. Господи, – вдруг рассердился генеральный, – ну, что ты, правда никак не можешь сообразить?!

Она сообразила, конечно.

Анастасия Василькова, жена Артема Василькова – бывшая, бывшая, конечно, – работала у них в юридическом отделе. Артем возглавлял службу безопасности, и с Лёкой у него был роман.

Даже, наверное, не роман, а любовь. По крайней мере, Лёке хотелось на это надеяться.

– Вот я и решил с тобой посоветоваться, может, ты у него спросишь потихонечку, куда она могла деться в Питере, может, у нее там двоюродная тетя или бабушка по материнской линии!.. Ну, хоть где она может находиться вместе с нашими

договорами!.. – Тут генеральный, человек во всех отношениях культурный и устремленный в двадцать первый век, вкрутил такое крепкое словцо, что Лёка слегка отодвинувшись и быстро взглянула ему в глаза.

Глаза были несчастные.

Дело, как видно, и впрямь серьезное.

– Андрей Владимирович, ты мне толком бы объяснил что-нибудь.

Генеральный махнул рукой, чуть не задев Лёку по носу, потом вскочил и стал бегать по кабинету у нее за спиной. Его отражение мелькало и пропадало в огромном черном омуте телевизионной панели, висевшей на противоположной стене.

– Да нечего объяснять, по большому счету!.. Эта Василькова повезла документы питерским партнерам. Должна была позавчера передать их на подпись, а вчера уже вернуться. Рассказов звонит – ни документов, ни Васильковой! Позавчера нет, вчера нет и сегодня тоже нет!.. Куда девалась – непонятно. Куда документы девались – тоже неясно. Телефон у нее не отвечает. В гостиницу звонили, там говорят, в номере ее нету, хотя она... как это называется... заселилась. Заселиться заселилась, а потом пропала. И чего делать? Шум поднимать?

– Шум? – переспросила Лёка.

От мелькания генерального в телевизионной панели у нее вдруг заболела голова, а может, от того, что она подумала, как именно станет говорить Артему, что его бывшая жена... пропала!

– Ну да! Шум. В милицию сообщать и всякое такое. Нужно сначала у него узнать поделикатней, куда она могла в этом Питере провалиться! Ну, наверняка он знает ее родственников, знакомых, подруг!

– Наверняка знает, – повторила Лёка. – А что за документы, Андрей Владимирович?

Генеральный с размаху, как будто у него кончился завод, кинул себя в кресло. Кресло закачалось.

- Да в том-то и дело, - сказал он раздраженно, - что документы не простые, а золотые!.. Юристы полгода согласовывали с финнами, а те все ни в какую! Наконец-то согласовали, подписали, осталось только питерцам подписать! Вот-вот деньги должны пойти, это по нынешним-то временам! А документов нет, да еще оригиналов, понимаешь?..

- Да это я понимаю, - согласилась Лёка. - Я только одного не понимаю, эта Анастасия Василькова в юридической службе кем работает? Курьером? Рассыльной?

- Есть у нее какая-то должность, специалист первой категории, что ли! Какая тебе разница?

- А почему именно она документы в Питер повезла?

- Потому что курьера нельзя было посылать. Она же должна была с питерским начальством встречаться, чтоб оно подписало, а ты сама понимаешь - с начальством встречаться дело вовсе не курьерское, да и хорошенькая она, эта Василькова!.. Все от нее в восторге, а когда партнеры в восторге, они и документики быстрее подписывают!

Бывшая жена Артема на самом деле была очень хорошенькой, и Лёку это всерьез огорчало.

Она сама никогда не была «хорошенькой»!

- Ну, спросишь у него, Лен? Наверняка он знает! И хорошо бы в Питер побыстрому слетать, поискать ее. - Генеральный заглянул ей в лицо. - Лен, я тебя умоляю, возьми своего Василькова и слетайте, а?

- Я?!

- Ну а кто?

Лёка не нашлась, что ответить.

– Если мы бумаг не найдем, придется всю канитель сначала заводить, а это значит, что никаких договоров не будет! Мы даже в прошлом году еле-еле наши условия протолкнули, а в этом!.. – Андрей Владимирович горестно махнул рукой и помолчал. – И там, в бумагах этих... много всяких таких сведений... в общем, не нужных третьим лицам!

– Секретных, что ли?! – язвительно спросила Лёка.

– Да не секретных! Но там сроки, номера счетов, юридические адреса, ну, ты ж понимаешь!

– Слушай, Андрей Владимирович, – помолчав, начала Лёка, – а тебе в голову не приходит, что ее там могли, я не знаю, убить, взять в заложники, переехать трамваем?! Тебя только бумаги интересуют, и больше ничего?! И как ты это себе представляешь? Вот прихожу я к Артему и говорю: твоя бывшая жена в Питере пропала, на связь не выходит уже который день. Но это все ерунда, главное, у нее документы были важные, и по ним питерские партнеры плачут. Поедем, найдем бумаги! Так, что ли?

– Я не знаю, как! – заорал генеральный тихим голосом, чтобы не услышали в приемной. – Я знаю, что кроме Василькова и тебя мне послать туда некого. Одного его я не могу, он там сгоряча чего-нибудь напортчит!

– В милицию надо заявлять, – твердо сказала Лёка, – а то мы с тобой погорим на самодеятельных расследованиях.

– Не нужно никакого, боже сохрани, расследования! Нужно выяснить, где она, и передать по назначению бумаги, и дело с концом!

– Андрюш, – сказала Лёка, дивясь его тупости, – ты понимаешь, что она может быть в морге?!

– Тьфу-тьфу-тьфу, – сплюнул через плечо генеральный, семимильными шагами направляющийся в двадцать первый век, – постучи по дереву!

- Да где тут у тебя дерево?! Стекло сплошное и пластик.

- Вон дерево. В кадке.

Лёка посмотрела в сторону окна. Там действительно стояло дерево в кадке. Она поднялась, подошла и постучала по стволу. Жидкая крона заколыхалась, а с листьев, кажется, посыпалась пыль.

- Я тебе говорю, надо в милицию заявлять! - повторила она.

- А я тебе говорю, что заявить мы всегда успеем! Ты завтра все там разузнаешь, и если уж совсем никаких следов нет, значит, будем заявлять! Кстати сказать, мы и заявить не можем, только родные!.. Ты не в курсе, у нее есть муж, кроме этого бывшего, который теперь твой?

Лёка вдруг оскорбилась:

- Андрей Владимирович, ты знаешь, что он мне пока не муж. И про его бывшую жену мне тоже почти ничего не известно.

Это прозвучало фальшиво, по крайней мере сама Лёка расслышала в собственном голосе отчетливую ненатуральность.

Про бывшую жену она как раз знала очень много. Настолько много, что хотелось бы поменьше. Вот, например, кем Настя работает у них в компании, Лёка никогда не интересовалась. Даже не просто не интересовалась, а несколько нарочито. Ну, чтобы не ставит Артема в двусмысленное положение. Получается, что бывшая жена никто, а новая подруга, считай, большой начальник. Какой нормальный мужик это переживет?!

Артем был совершенно нормальным мужиком и нежным мужем, покуда был женат, а после развода стал нежным бывшим мужем.

Когда у Насти начиналась ангина, или она ссорилась с мамой, или не могла управиться с дочерью, или заканчивались деньги, она звонила Артему. Впрочем, даже когда ничего этого не происходило, она все равно звонила Артему, и они разговаривали подолгу, тщательно, детально, со вкусом, и Лёка эти их

разговоры ненавидела! В конце концов, они давно развелись, и теперь главное место в жизни Артема принадлежит ей, Лёке, а вовсе не бывшей жене!..

Собственно тогда, триста лет назад, она рассталась с Платоном, потому что появился Артем – настолько другой, настолько на него непохожий, настолько родной, понятный и милый, что даже сравнивать его с «ужасным человеком» было нелепо.

– Я заказываю билеты, – подвел итог генеральный. – Прямо на сегодня. Мой водитель отвезет тебя в Домодедово.

– Мне еще надо предупредить Артема.

– Значит, предупреди. На самом деле я уверен, что ничего там страшного не случилось! И не делай такое трагическое лицо, пожалуйста!

Лёка оглянулась уже от двери.

– На самом деле мы не знаем, что именно там случилось, – сказала она, – а радостным свое лицо я сейчас сделать не могу!

Она вернулась в свой кабинет, уселась к столу, подперла подбородок кулачком и стала смотреть на крошечный глобус искусной работы, подарок Артема к прошлому Восьмому марта, а может, к седьмому ноября. Он любит дарить ей подарки.

– Мы же с тобой объедем весь мир, – сказал он тогда смущенно и сунул глобус ей в руку, – правда?

Лёка с восторгом согласилась – правда, правда!.. – и водрузила глобус на стол. Теперь он сиял и переливался голубыми, серебристыми и зелеными извилистыми линиями у нее перед носом.

Вот океаны, синие-синие, и по ним пущены выпуклые бурунчики белой пены. Хорошо там, в океане, на клипере, под парусами!

Вот экваториальные леса, зеленые-зеленые, и по ним пущены извилистые дорожки голубых тропических речек. Хорошо там, на экваторе, макаки на деревьях, змеи на ветках и везде заросли, заросли!..

Вот пустыня, желтая-желтая, а по ней шагает караван верблюдов, и бедуины в белых платках, закрывающих лицо, идут, покачиваясь. Хорошо бедуинам!..

Так, что мы имеем?

Пропала бывшая жена нынешнего сердечного друга. Генеральному на нее наплевать – наплевать решительно! – но его волнуют документы, которые пропали вместе с ней. Задача Лёки поехать в Питер, быстренько провести расследование, найти бумаги, попутно установить, где находится бывшая жена, не слишком обременяя начальство катаклизмами, которые могли с этой женой случиться. При этом она, Лёка, должна еще прихватить с собой Артема, который впадает в панику, даже когда у его бывшей делается насморк.

Он уверен, что она, эта бывшая, совершенно не приспособленный к жизни человек. Не проследишь за ней, так она ложку мимо рта пронесет.

Впрочем, про ложку Лёка сама придумала!

Вряд ли у неприспособленного к жизни человека есть в Питере удачные друзья, способные увлечь его, этого человека, в многодневный загул, так что он даже о своих служебных обязанностях позабыл!..

Значит, случилось что-то на самом деле серьезное, и генеральный просто не разрешает себе думать о том, насколько серьезное!

* * *

– Елена Сергеевна, ассистент генерального просит ваши паспортные данные. Говорит, что это для билетов на самолет. А вы что, улетаєте, Елена Сергеевна?

– Видимо, улетаю, Даша.

- Елена Сергеевна, а нас не увольняют?

- Даш, найдите Василькова и соедините меня с ним.

Почему-то звонить по мобильному ей не хотелось.

О ее связи с шефом службы безопасности, конечно, знали все сотрудники до единого, и все делали вид, что не знают.

Триста лет назад точно так же делали вид, что не знают о ее связи с Платоном Леграном. К счастью, тогда были другие сотрудники. Почти все.

- Это не организация, - как-то скорбел подвыпивший генеральный на новогодней вечеринке, когда за столом остались только он, пара замов, бухгалтерша, которую все звали Раиса Захаровна, хотя на самом деле она именовалась Татьяна Петровна, и в стельку пьяный благодушный финн, предполагаемый партнер. Финн остался только потому, что его совсем не держали ноги, и это его очень веселило. Все остальные разбрелись по темным углам - обжиматься, целоваться, миловаться, шептаться, обниматься, сливаться и качаться.

Такая форма досуга называется почему-то «корпоративная вечеринка».

- Это не организация, - скорбел генеральный, чокаясь с замами и финном, тарасившим бессмысленные веселые глаза, - это публичный дом какой-то! Ведь знаю, знаю! - Тут он поднял палец. - Знаю, что бабам нельзя работать вместе с мужиками! А что делать?!..

А Лёка, то есть в этом случае как раз не Лёка, а Елена Сергеевна Беляева, начальник технического департамента, была уверена в обратном.

Елена Сергеевна была уверена в том, что только на работе можно встретить «главную любовь своей жизни» - звучит ужасно, но это правда! Тем не менее «главная» любовь тем и отличается от «второстепенной», что пролегает, так сказать, по самому центру жизненного, так сказать, пространства. А что там есть, в этом центре? Все правильно, работа! Самое главное, самое важное, самое интересное в жизни современного человека, и особенно современной женщины,

происходит именно на работе. А где же еще этому важному происходить? Не у плиты же, не у стиральной машины, не в детской поликлинике с баночкой младенческих поделок, зажатой в руке, право слово! Взрослым людям нужны какие-то общие дела, и это не совместный просмотр сериалов или обсуждение тройки по природоведению у сына! Пары из разных миров, с разными интересами обречены на вымирание, такие пары, а вовсе не блокнот с ручкой вместо компьютера как раз и есть анахронизм и пережиток.

Вот, к примеру, они с Платоном Леграном так и вымерли – общих интересов-то не было! Пока он консультировал их проект, все шло хорошо, а потом стало плохо.

Его решительно не интересовало Лёкино повышение и что именно сказала на совещании Алла Николаевна о ее новом предложении.

Ее абсолютно не касались его научные изыскания, и что именно сказал Михаил Наумович по поводу его статьи в американском журнале.

С Артемом у Лёки как раз была «генеральная» любовь, или «главная» – она время от времени путалась в собственных терминах. Он все знал про ее работу, ликовал по поводу ее повышений, а она сочувствовала, когда у них в службе начинались «интриги» и некий Валера пытался Артема подсадить, но он подрезал Валере крылышки на самом взлете. Артем знал начальников и подчиненных, знал, кто кому дышит в затылок, кто как себя ведет, когда напьется, у кого на дне рождения всегда скучно, а у кого весело, и темы для разговоров никогда не иссякали.

Если бы не бывшая жена – неприспособленная к жизни! – все было бы просто прекрасно.

И вот теперь она пропала, ищи ее!..

Ужаснувшись собственным мыслям, Лёка быстро и воровато оглянулась, словно проверяя, нет ли поблизости кого-нибудь, кто мог бы их подслушать.

Никто не подслушивал.

Как же она ему скажет?..

Артем, твоя бывшая жена пропала. Артем, у нас неприятности. Артем, ты только не волнуйся, еще ничего не случилось. Или случилось?..

Ничего особенного, мадам, вашего мужа зарезали.

Тут Лёка опять ужаснулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-ustinova/tretiy-chetverg-noyabrya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)